

ной биографии правых политиков начала XX в. Автору удалось дать все-стороннюю и объективную характеристику личности, взглядов и поступков Н.Е. Маркова, раскрыв мотивы, которыми он руководствовался в своей государственной и общественной деятельности.

Примечания

¹ *Иванов А.А.* Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914–1917). М.; СПб., 2013; *Иванов А.А.* Пламенный реакционер Владимир Митрофанович Пуришкевич. Изд. 2. СПб., 2020; Политические партии России. Конец XIX — начало XX в. В 3 т. Т. 1. [*Иванов А.А.*]. Консервативные партии. М., 2022. См. также: *Иванов А.А., Степанов А.Д.* Марков (Марков 2-й) Николай Евгеньевич // Чёрная сотня. Историческая энциклопедия. 1900–1917 / Отв.

ред. О.А. Платонов. М., 2008. С. 309–317; *Богоявленский Д.Д., Иванов А.А.* Марков (Марков 2-й) Николай Евгеньевич // Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века. Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2010. С. 283–286.

² *Чирков А.А.* Думские комиссии по обзоре: состав, задачи, результаты деятельности (1907–1917 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. М., 2016. С. 261.

³ Чаще всего его, конечно, именовали «Марков 2-й», так как его дядя — октябрист Николай Львович числился в думских списках как «Марков 1-й» (*Иванов А.А.* Вождь чёрной реакции: Николай Евгеньевич Марков. С. 115–116).

⁴ *Николаев А.Б., Ромов Р.Б.* Марков (Марков 2-й) Николай Евгеньевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917. Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2008. С. 357.

⁵ См. также: *Иванов А.А.* «Дело чести»: депутаты Государственной думы и дуэльные скандалы (1906–1917). СПб., 2018.

Вадим Дёмин

Судьба «зубра»*

Vadim Demin

(Moscow City University, Russia)

The fate of the «bison»

DOI: 10.31857/S2949124X24030169, EDN: GCJFZE

До недавнего времени можно было сказать, что Н.Е. Маркову не повезло в историографии. Однако после появления книги профессора Санкт-Петербургского университета А.А. Иванова, известного знатока правых партий начала XX в., ситуация коренным образом изменилась. Монография стала результатом многолетнего труда, в ней использованы материалы девяти российских, американских, немецких и украинских архивов, а также широкий круг опубликованных источников. Автор от-

лично знаком не только с российскими и зарубежными исследованиями, но и с образом Маркова в массовой культуре XX в., включая советскую печать 1920-х гг. Дополнительную ценность изданию придают около 40 фотографий, карикатур и иных иллюстраций. Некоторые из них публикуются впервые. Иванов подробно рассмотрел все аспекты жизни и деятельности лидера черносотенцев, включая его происхождение, архитектурное творчество, влияние, приобретённое им в Курской губ., и т.д.

* *Иванов А.А.* Вождь чёрной реакции: Николай Евгеньевич Марков. СПб.: Владимир Даль, 2023. 639 с.

Учёным проанализированы как публичные выступления политика, так и отзывы о нём современников.

В отличие от многих консервативных деятелей, Марков с юности придерживался консервативных убеждений. При этом его консерватизм носил ярко выраженную сословную окраску. Курский помещик считал дворянство лучшей частью русского народа, обязанной руководить земским самоуправлением и представительной властью. Он являлся последовательным сторонником сохранения помещичьего землевладения, считая его более «культурным», чем крестьянское. Даже в годы Первой мировой войны, требуя конфискации земель у значительной части немецких колонистов, лидер думской фракции правых считал необходимым оставить остзейским баронам их собственность. Деловые и моральные качества крестьян оценивались им крайне низко, как и их готовность к самостоятельному участию в общественных делах. Тем не менее в 1906 г. Марков высказывался за переход от общинного чересполосного владения к отрубному и хуторскому.

В монографии убедительно показано, что среди консервативных монархистов Николай Евгеньевич занимал умеренные позиции. Несмотря на своё враждебное отношение к интеллигенции, находившейся, как ему казалось, под влиянием антигосударственных сил (и прежде всего — евреев и масонов), и он, и его курские сторонники сочувствовали указу 12 декабря 1904 г., обещающему либеральные преобразования. К созданию законосовещательного сословного представительства они стремились ещё в январе 1905 г., т.е. до издания 18 февраля рескрипта А.Г. Булыгину, положившего начало разработке законов о Государственной думе.

Схожие позиции отстаивала возникшая осенью 1905 г. Курская на-

родная партия порядка (КНПП), в руководство которой входил Марков. Она поддерживала учреждение Государственной думы, предпочитая именовать её «Государевой», но считая необходимой для доведения до царя «народных желаний и народной нужды» (с. 53). Её члены призывали к дарованию политических свобод за неделю до того, как был подписан Манифест 17 октября 1905 г. В программных и агитационных документах партии важное место занимало требование «полного ограничения самовласти и произвола доселе всеильного чиновничества» (с. 50—51, 53). Марков критиковал бюрократическую опеку над дворянскими земствами. Правда, уже в мае 1906 г. он объявил Манифест 17 октября «первоначальным источником всех зол нашего времени», с сожалением признавая необходимость «молча исполнить» его «как царское веление» (с. 92). В эмиграции же им уже прямо говорилось, что «конституция и Государственная дума погубили Российскую империю» (с. 421).

Характерно также, что КНПП с конца 1905 г. выступала с националистическими лозунгами, возражая против уравнивания в правах православных с иноверцами и русских с представителями других народов. Марков утверждал, что в правовом государстве и политических свободах заинтересованы лишь иудеи, либеральные интеллигенты и прочие противники правительства. Курский депутат настаивал на восстановлении телесных наказаний для «хулиганов», и особенно — для «хулиганов-интеллигентов» (с. 150).

В III Думе лидер фракции правых провозглашал, будто её отличие от западноевропейского парламента заключается в том, что она призвана содействовать монархической власти, а не бороться с нею. Кроме того, де-

путатам следовало обеспечить защиту русского народа от инородцев и бюрократии. При этом лидер черносотенцев был приверженцем централизованной империи с господством русского языка и русской культуры. Любые уступки национальным движениям вызывали у него возмущение, тогда как их силовое подавление им всячески одобрялось. Антисемитские взгляды Маркова, формировавшиеся под влиянием в том числе и расистских теорий, явно противоречили христианскому учению (с. 178). Однако, добиваясь принуждения евреев к эмиграции, он никогда не приветствовал погромов.

Будучи сторонником индустриализации, думский реакционер отрицал пользу золотомонетного стандарта и находил неприемлемым легализацию рабочих организаций, которые неизбежно попадали бы под контроль социалистов. Во внешней политике он видел опасность панславизма и предпочитал сближение с Германией сотрудничеству с Англией.

Характеризуя речи Маркова в III Думе (а также в организации Объединённого дворянства), Иванов преимущественно излагает их идейную и мировоззренческую составляющую, тогда как о выдвигавшихся им конкретных предложениях и об отношении к ним палаты почти ничего не говорится. Между тем сам автор вполне основательно отмечает, что Марков всегда оставался практическим политиком и не претендовал на роль идеолога (с. 132). Поэтому вызывает недоумение то, как скупотражена в книге работа депутата в думских комиссиях (за исключением его выступлений в комиссии по государственной обороне). Перечисляется лишь, в какие из них Марков входил в IV Думе. Про III Думу не сказано даже этого. Нет сведений и о том, как именно Николай Евгеньевич пред-

ставлял дальнейшее развитие местного самоуправления, судебной системы, народного образования и др. Рассказывая о поддержке лидером правых столыпинской аграрной реформы, автор довольно глухо упоминает о том, что Марков и его единомышленники, а также кадеты требовали смягчения преобразования (с. 157). Между тем предложенные ими поправки имели отнюдь не частное значение, поскольку они лишали домохозяина права единолично распоряжаться укрепленной в собственность землей и заставляли его в той или иной форме согласовывать свои действия с членами семьи. Не случайно в единственной речи, произнесенной П.А. Столыпиным в Думе при обсуждении данного преобразования (в которой прозвучало его знаменитое заявление о ставке не «на убогих и пьяных», а на «сильных и крепких», составлявших в России, по словам министра, большинство), обосновывалась необходимость отклонения этих поправок.

Из биографии Маркова также можно узнать о его переходе в конце 1906 г. (вместе с КНПП) в Союз русского народа и о том, как он оказался одним из лидеров этой организации, о правительственном субсидировании черносотенцев и разногласиях «марковцев» с «дубровинцами», не признававшими ни представительного строя, ни руководящей роли дворянства, ни столыпинской политики в деревне. Судя по собранному автором материалу, революцию Марков воспринимал исключительно как верхушечный переворот. По сути, он всегда оставался собственным монархистом, и после 1917 г. надеявшимся восстановить на престоле если не Николая II, то цесаревича Алексея Николаевича, позднее — вел. кн. Николая Николаевича, а затем и вел. кн. Кирилла Владимировича. На посту председателя Высшего монархического совета в 1921—

1926 г. Марков тщетно пытался объединить консервативную часть эмиграции вокруг бывшего верховного главнокомандующего. При этом в либеральной эмигрантской прессе Николая Евгеньевича совершенно безосновательно обвиняли в причастности к покушению на П.Н. Милюкова и убийству В.Д. Набокова. К началу 1930-х гг. бывший «зубр» превратился из общепризнанного лидера правых в предводителя одной из монархических группировок. Особую ценность имеет описание последнего десятилетия его жизни и деятельности. Иванов впервые ввёл в научный оборот статьи 1930–1940-х гг., убедительно доказав, что бывшего черносотенца сближали с нацистами лишь антисемитизм и неприятие либерализма и демократии, в остальном же идеалы российских монархистов и гитлеровцев значительно отличались.

Монография Иванова заставляет задуматься об особенностях политического лидерства в российских партиях начала XX в. Обычно одной из важнейших функций политического руководителя признаётся объединение сторонников и отстаивание их интересов (как заявленных, так и скрытых их чаяний). Однако, как показано в книге, Марков не желал считаться с товарищами по борьбе и требовал от них безусловного повиновения (с. 136, 306–307), что в конечном итоге привело к распаду первоначально следовавшей за ним думской фракции правых. Аналогичным оказался и результат его деятельности во главе эмигрантского монархического движения в 1920-е гг.

Нечто подобное наблюдалось и в большинстве других партий. А.И. Гучков заботился исключительно о собственных амбициях и уже к концу работы III Думы не контролировал октябристов. Кульбиты лидера Партии Народной свободы, превращавшегося из «Милюкова-Дарданелльского»

в сторонника сотрудничества с германским кайзером, а затем в республиканского демократа, вызывали непонимание у большей части кадетов. Умеренным социалистам и вовсе не удалось найти устраивавшего их вождя. Вероятно, отсутствие развитой культуры политического лидерства являлось одной из причин слабости партийной системы России.

Некоторые важные для понимания темы сюжеты в книге только намечены, но не раскрыты. К примеру, беспорядки в Курске в октябре 1905 г. описаны исключительно со слов Маркова, явно односторонне и не без преувеличения угрозы, исходившей от вооружённых революционеров (с. 46–47). Совсем не освещено участие (или неучастие) КНПП и самого Маркова в выборах в I Думу. Упомянув о том, что на выборах во II Думу Николай Евгеньевич «получил наибольшее число голосов из правых кандидатов» (с. 97), автор не уточняет, сколько же человек поддержало того или иного политика. В «Щигровской республике» в 1906 г. будто бы «была создана террористическая группа во главе с боевиком И.И. Блошановым, занимавшаяся экспроприациями и политическими убийствами» (с. 98), но в тексте не названо ни одной её жертвы. Рассказав о борьбе Маркова с щигровскими либералами на земских и городских выборах 1910 г., автор указывает, какого результата удалось добиться в уезде, но забывает про город (с. 103–104). На с. 136 упоминается «разрыв» Маркова с курским губернатором Н.П. Муратовым, ярким представителем крайне правого крыла высшей бюрократии, т.е. в общем единомышленником черносотенцев, но причины и обстоятельства конфликта не раскрываются. На с. 380 говорится о неудачной попытке Маркова быть избранным в Государственный совет в 1915 г., при этом не указывается

ни курия, по которой баллотировался правый политик, ни обстоятельства и причины неудачи.

Иногда исследователь допускает некоторые фактические неточности. Так, по его словам, «чтобы не путать двух депутатов-родственников, по сложившейся думской традиции к их фамилиям были добавлены номера: дядя [Н.Л. Марков], как старший, стал именоваться Марковым 1-м, а его племянник [Н.Е. Марков] — Марковым 2-м» (с. 115). Однако такая традиция существовала в правительственном аппарате, в Думе же присвоение депутатам-однофамильцам (включая родственников) номеров до этого случая не практиковалось. Явной модернизацией для 1911 г. представляется выражение «полковник МВД» (с. 274),

тогда как в Российской империи все офицеры и генералы, в каком бы министерстве они ни служили, числились по военному ведомству. П. фон Гинденбург в 1918 г. имел чин не генерала (с. 438), а генерал-фельдмаршала. Р. Пуанкаре в 1922 г. являлся уже не президентом Франции (с. 496), а председателем Совета министров и министром иностранных дел. Граф Д.А. Толстой руководил учебным ведомством в 1866–1880 гг., а не «в царствование Александра III» (с. 209).

Разумеется, эти недостатки не умаляют научной ценности работы, которая внесла значительный вклад в историческую науку, обогатив её полной и объективной биографией видного общественно-политического деятеля начала XX в.

Александр Репников

Н.Е. Марков и его борьба*

Aleksandr Repnikov

(All-Russian Scientific and Research Institute for Record and Archives Management, Moscow)

N.E. Markov and his struggle

DOI: 10.31857/S2949124X24030176, EDN: GCGKJS

Доктор исторических наук А.А. Иванов продолжает изучать судьбы скандально известных черносотенцев, заседавших в Государственной думе. Логичным продолжением двух изданий биографии В.М. Пуришкевича¹ стала монография о Н.Е. Маркове, также прославившемся яркими выступлениями, эпатажем и непримиримостью ко всему революционному. После 1917 г. он принял деятельное участие в Гражданской войне, затем играл видную роль в кругах правой эмиграции,

всё более убеждаясь в связи революционного движения с «заговором» евреев и масонов, сотрудничал с нацистами и приветствовал их нападение на СССР. Его жизнь завершилась 22 апреля 1945 г. на руинах Третьего рейха в Висбадене (город к тому времени уже заняли американские войска).

В книге Иванова нет апологии взглядов и личности «вождя чёрной реакции», но чувствуется желание понять его жизненный путь и заполнить «белые пятна» с помощью

* *Иванов А.А. Вождь чёрной реакции: Николай Евгеньевич Марков. СПб.: Владимир Даль, 2023. 639 с.*